

Вырезка из газеты

20 ОКТ 1974

ЮМОР И ЮНОСТИ

от

г. Минск

И СНОВА театральная осень. Осень 1974 года... На начальном этапе работы со столь раздумчивой фразой с третьюем в конце, если бы и в эти осенние дни, как уже несколько лет подряд, не пришла прохладить мило медленно строящегося здания в самом центре Бобруйска. Собственно говоря, раньше тоже на этом месте был театр, достаточно благоустроенный для того, чтобы ставить в нем спектакли зрелищные и разные. Но однажды было решено — город с его театральными традициями, уходящими еще в довоенные времена, заслуживает лучшего помещения для зрителей и служителей изобразительного искусства. Решение в общем-то правильное, справедливое, вполне в духе нашего прекрасного времени. Но вот ведь что получается: время идет, а темп работ за деревянным забором явно не торопится попасть ему в ногу. Нет, положение не такое уж безотрадное, как можно было бы судить из вышеназванных строчек.

В горисполкоме в горнормекомсола, где довелось побывать, так и говорят: «Ждали и следующего театрального сезона ввести объект в строй не намечено, то уж через сезон... Так, скорее всего, и будет. Отнесемся к тому же зрителю с полным пониманием, из нужд и хлопот. Город быстро строится. Один шинный комбинат, крупнейший в Европе,

1970 году только-только начался, и эти двадцать два человека, горняцкие жидыи заводского творчества, приняли твердое решение — дело нам по плечу.

Скажем, несколько вопреки действительности «может быть» и тогда, еще во время предпринятой практики будущими актерами, существовало.

Может быть, рановато было устраивать молодежный театр в районном центре? Хорошо это, конечно, дело. Пусть молодые экспериментируют. Ищут новое в драматургии и сценической форме, ищут дерзко, с пылом души и жаром сердца.

Но может быть, те же молодые люди почувствуют, что дерзая, не звезда заманиваться, словом, прежде чем включиться в самостоятельную творческую работу, нужно бы опыта позаниматься у старых больших актеров? А так случится, что среди приписанных к театру в Бобруйске талантов не окажется. Какого же выбрать себе а учителя на сцене, хотя бы на первых порах?

Наконец, может быть, совместный творческий процесс — это еще и исследование неизведанного в искусстве. В таком исследовании ценны последние «живые» мысли и творческие искания. Какого же выбрать таланты, которые можно проводить только коллективно, общими усилиями, а потом или принять с радостью, или

степень профессионализма в игре тут не поможет: актер так и остается в долгу у зрителя...

Можно и чем-то согласиться с тем, а чем-то не согласиться. Предвзвину такую, и примеру, реплику: «А другие театры, даже в областных центрах, поставлены в лучшие, «элитарные» условия, что ли? А ничего, не жалуются. И ничуть не меньше развешивают по городам и весям, а ничего, растут, набирают силы, наливают традиции. Реплика совершенно «по существу». Волею того, у автора сих заметок был тоже, как ему вначале казалось, оправданный соблазн кратко подискутировать по этому поводу, доказав, как дважды два, что требовать каких-то особенных, «отличных» условий для театра в Бобруйске — это просто насервизно.

Не получилось дважды два. И вот почему. Волнуются актеры за судьбу своего театра, переживают. Не за себя в театре, а за того, кто приходит на встречу с ним, — за зрителя. Об этом и Глушко так говорит. Но чтобы лучше понять его заботу, переведем наш разговор в несколько иную плоскость.

НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ

— так гласит известная русская поговорка. В этом году в театр приглашен работать главным художником Лео-

так слабо наращивается? И на этой ли «слабой» отчасти можно объяснить тот факт, что театр услабно приобщает к ироничным поводам. Главным репертуарным титлом «Трибунал» А. Маченки, «Злыден» А. Петрушевника, «Доходное место» А. Острожского, «Пожог на львах» Р. Ибрагимбекова... Нет, всех спектаклей не сосчитать, много их. Одни, вполне понятно, получились более интересными, другие — не очень. Как и во всяком другом театре, даже столичном. И актеры одаренные — Анатолий Жук, Василий Кушев, Геннадий Тряпухин. И тоже все имена хорошие не перечислить. Правда, кое-кто ушел. А. Полухина сейчас в Минске, в Русском, двоя — в ТЮЗе, еще один — в Риге театре. Главный режиссер театра Виктор Федорович Королько мечтает: надо бы поставить что-то из братьев, еще может, Чехова «Три сестры».

— Даа спектакля-эксперимента в год нашему театру нужно поставить обязательно, — полагает Виктор Федорович.

Кстати, режиссер с нам похвалы пришел, молодой, ищущий, со своим творческим методом. Станет легче искать свое не только задуманное, но и выражаемое на деле творческое лицо.

Как бы затосков на этом месте полагать благополучию точку, а не получать.

РАНО СТАВИТЬ ТОЧКУ

потому, что сами работники театра при этом совсем затушеваны, единственно признан: чтобы театр не исчез из зрительского внимания, ему нужна надежная помощь, не в спешке, а в деле, тогда и зритель придет.

— Мы все — оптимисты. Уж не потому ли, что боимся признаться: вот уже немало лет в нашем собственном театре? А ведь одной только уверенности в свои силы зритель не завоевывает, — считает один из моих собеседников.

— Министерство культуры уже давно обещало прислать для постановки хорошего спектакля режиссера с большим творческим опытом. Скажем, В. Маленкина или Б. Личенко. А никто не едет, потому, видимо, что театр в трудных условиях, — констатирует другой.

— Вот мы слабые пьесы выбираем. И правильно. Но ушло несколько интересных авторов, и пришлось обратиться к популярным спектаклям, как «Птицы нашей молодости» И. Дронова, «Парень из нашего города» К. Симонова. Неправоморно долго не ставим пьесу «А зори здесь тихие...». Так что, как видите, все опять упирается в учебку тех, кто должен замянуть ушедших, — отмечает с вполне понятной горячностью в голоса третий.

И никто из них, мои собеседники (заметьте — никто!) не поставил условием развития своих актерских данных пребывания под более комфортабельными театральными условиями, чем театральные.

Есть тут над чем задуматься. Не будем сбрасывать наживку, как оскомя, проблемустройки со счетов. Многие за свой театр крепко держатся, только потому, что верят: вот будет новый театр — театральная жизнь в Бобруйске по-новому пойдет, по-хорошему. И зритель к нему будет более внимательный, да и у актвора возможность играть по строгому замыслу значительно расширится.

Пусть так оно и будет, как мечтается. Вот есть только одно енос, которое заставляет призадуматься всех творческих работников театра. В конце концов, делать спектакли «на выезде» все-таки надо. Хотя бы ради того же плана, «завлаживающего» порою в городе, но вывозящего театр во время командировочных разъездов трупп. Но и совершенствовать свое мастерство надо, с непрерывным привлечением людей, которые есть что сказать молодым актерам в Бобруйске, есть чему научить, чем помочь. А то ведь можно получить в год один спектакль в городском театре, а играть в нем талантливо, с блестящим фантазией, но усвоившим чуждого актерского мастерства будет никому.

г. Бобруйск.

В. ЕЛИСЕЕВ.

В ПЬЕСАХ ПРОСВЕДЯЮТ

чего стоит. Да и сам Бобруйск за последние годы стал заметно краше, его исторически сложившийся облик претерпел немало существенных изменений — новое и старое плещутся рядом. Крально пришлось строителям поработать, а в будущее планы и того больше.

— Вот и театр скоро достроим, — говорят они.

Я видел его, правда, только макет, да и то отпечатанный на листах фотобумаги. Вид спереди, сбоку, сверху... Впечатляет.

Разговорились с Иваном Антоновичем Зборовским.

— По-моему, проект не без изъянов, — в который раз прикидывает он «на глазок». И вдруг, горячась: «Да разве дело у нас изживать? Есть извилины, пошустившие, вот они-то всем нам не дают покоя, заставляют думать и думать...»

Иван Антонович — директор Бобруйского театра драмы и комедии.

— То есть, как директор? — неодуменно спросит читатель. — Семь же только что утвердили макет театр в городе не существует, откуда звать его директору?

— Между тем никакого парадокса в этой ситуации нет, она только со стороны, с удаления, может показаться странной. Просто театр на договорных началах пока располагается в городском Доме культуры. Нельзя сказать, чтобы «завлаживающая» практика не существовала. Есть зал, есть сцена, пара комнат, пусть тесноватенькие, но в которых при случае всегда можно провести «летучку». И театральные сезоны открыли, как положено, в октябре. Так в чем же причины неотсутствия хлопот директоров, да и не только директоров, и в а всего коллектива театра?

ДАВАЙТЕ ПОРАССУЖДАЕМ,

— приглашает актер Николай Глушко, один из группы выпускников Белорусского государственного театрально-художественного института, приехавший сюда, чтобы работать в молодежном театре. Такой театр в

отбросит за мандобностью. И какой тут добрый был режиссер, какой смелости и нежного такта требуется от него, чтобы руководить целым ансамблем никакой, не щемляющей одиого за счет другого. А как показали первые же месяцы работы, такой режиссер не состоялся.

— Вот видите, сколько смысловых оттенков вымещает коротенькое «может быть». Коля Глушко, а отличия от синтетика (известно, правых в своих сомнениях или же неправых?) такой целью не задается.

«Играл немало, — говорит он, — в «Разгром» Шадреева, а спектакле «А зори здесь тихие...» в роли сержанта Васюка. Работа над этим замечательным образом принесла мне большое творческое удовлетворение. Пока работал, и сам в чем-то вырос, внутренне укренился на каких-то чрезвычайно важных жизненных позициях. Потом играл еще в доброй дюжине пьес, поставленных театром. Все, казалось бы, шло как надо. Вот только появилось однажды чувство, что могу работать лучше, а получаю — вполне работая. Говорят мне: была бы пьеса тошнотного содержания, были бы способные и несенно правды со сцены актеры, а остальное все приложится. Есть в нашем репертуаре отличные пьесы, и зрелище актеры есть. А работать бывает просто скучно. Судите сами.

Последне спектакль пару раз в городе, труппа на два-три месяца вывозит его за городские пределы. Давать выездные спектакли на сале — дело нужное, благодарное. Но вот оборотная сторона медали. «Льезоны», как мы всемирно, спектакли надежно помогают выполнять план, но мешают актерам совершенствовать свое мастерство, не оставляют времени для творческого порабатка над новым спектаклем, «заполненным в производство». А от этого опять же страдает зритель. «Настурку» зрелищно играем десять дней подряд. Смешно в зале: вроде бы играем смешно, а зрительно грустно. Натянуть так улыбаются, всем видом своим проказывая, по юмором его не проймаю, и никаких, пусть самая высокая

вид Лешенко. Как вышел из поезда на станции Бобруйск, сразу, едва оформившись в гостинице, искать театр кинулся.

— У десяти человек спросил — все на строящиеся здание театр показываю. Но у вас же есть театр, который работает? В ответ недоуменно пожимают плечами, нет, жол, у нас театра, который работает, а есть, который строится... Только одиннадцатый кое-как сюда договорился.

Если правда, что театр начинается с вешали, то даже при нынешних стесненных обстоятельствах авшляем наш театр республиканского достояния количества. Представляются те же самые рудные нарканы. Как стемнеет, многие бобруйчане по традиционной привычке торопятся... нет, не в кино, куда зрительный апускают в один двери, а выискуают в другие да еще заставляют сидеть в темноте. В театр торопятся.

Я совсем не против кино. Кино я уважаю, предполагаю, даже очень. Но глядя на поступающую большую часть фильмов в городе, интеллигент становится збено на душе. Телные мысли начинают бродить в голове: а вдруг и правда, как демонстрируют некоторые любители задавать за живое, театр в наш просвещенный атомно-электронный век безнадуже устарел! А потом спонтанно: есть театр Тостонского и есть театр Озолова, есть «Титаник», и есть «Современники». Есть! Попробуй на их представления билеты достать. Не так-то просто.

В Бобруйске — просто. И вновь не беремся сравнивать по богатству возможностей, по количеству и качеству дарований наш сибирийский театр с вышеперечисленными, это по меньшей мере безрасудно. Но если рассуждать от земли, должен же существовать некий зрительский запас доверия к своему театру. Почему он